

Ци Люйцянь и Сун Чжи вместе отправились в аптечную лавку.

По пути Ци Люйцянь заговорил, словно извиняясь за собственную навязчивость:

— Цзилань, не сочти меня за пустомелю. По правде сказать, я вижу тебя не впервые. Еще раньше мне довелось издали наблюдать за тобой в поместье господина Чжана, а позже я имел честь видеть твои картины. С тех пор я искренне восхищаюсь твоим талантом.

Сун Чжи искренне удивился:

— Мы виделись у господина Чжана? Почему же я совсем этого не помню?

Ци Люйцянь лишь мягко улыбнулся:

— В то время ты был любимым учеником господина Чжана, надеждой и гордостью его дома. Я же — всего лишь мелкая сошка, обремененная заботами о куске хлеба. Я лишь мельком взглянул на тебя издали, так что нет ничего удивительного в том, что ты меня не заметил.

— Прости, мне неловко, что так вышло, — с искренним сожалением произнес Сун Чжи.

— Пустое, Цзилань, не бери в голову.

Ци Люйцянь заметил, что на Сун Чжи старый, застиранный до белизны матерчатый халат. Это показалось ему странным, и он осторожно спросил:

— Позволь узнать, как ты живешь в последнее время? И что значили слова того Хацзиэра?

Сун Чжи ответил уклончиво:

— Об этом долго рассказывать.

Видя, что собеседник не расположен к откровениям, Ци Люйцянь не стал настаивать. Он указал рукой на переулок за углом:

— Моя лачуга совсем рядом. Если не побрезгуешь, зайдем, посидим?

Сун Чжи поспешил отказаться:

— Ну как я могу тебя стеснять?

— Никакого стеснения! — замахал руками Ци Люйцянью. — Отца нет дома, я совсем один. Какое тут беспокойство? Заодно поможешь мне развеять скуку.

Не давая Сун Чжи опомниться, он подхватил его под руку и потянул за собой. Тому ничего не оставалось, кроме как подчиниться.

Дом Ци Люйцяня оказался именно таким, как он и описывал — тихим и уединенным. Он постучал, и к ним вышел старик лет пятидесяти. Увидев молодого хозяина и его гостя, он распахнул дверь:

— Молодой господин, вернулись?

— Дядя Тянь, это господин Сун Чжи, — представил друга Ци Люйцянью. — Он обварил руку, найди ему что-нибудь из моей чистой одежды, пусть переоденется.

Сун Чжи попытался возразить, но хозяин дома опередил его:

— Цзилань, будь в моем доме как в своем, к чему эти церемонии?

Дядя Тянь тут же ушел и вскоре вернулся с чистым темно-синим халатом сунского покроя.

— Эту одежду молодой господин надевал всего пару раз, — пояснил старик. — Надеюсь, господин Сун не побрезгует?

— Что вы, дядя Тянь, — поклонился Сун Чжи. Он быстро переоделся, сложив мокрую одежду.
— На днях я выстираю ваш халат и обязательно верну, Бохэн-сюн.

— Да зачем возвращать? — отмахнулся Ци Люйцянью. — Всего лишь вещь, не утруждай себя.

Они проговорили еще какое-то время, условились встретиться снова, и Ци Люйцянью проводил гостя до ворот.

Возвращаясь в Переулок Синшунь, Сун Чжи чувствовал нарастающую тревогу. На нем была чужая одежда, в руках — сверток с лекарствами. Скрыть ожог от Сю-нянь не удастся, а значит, она снова рассердится.

Едва он переступил порог, стараясь незаметно проскользнуть в свою комнату, как Сю-нянь окликнула его:

— Молодой господин.

— Сю-нянь, — Сун Чжи поспешно спрятал руки за спину.

Женщина окинула его подозрительным взглядом:

— Почему ты так поздно? И откуда на тебе этот халат?

— Пил чай у господина Чжана, — попытался выкрутиться он, — и случайно опрокинул чашку. Пришлось переодеться.

— А что это у тебя в руках? — она прищурилась.

— Одежда, — Сун Чжи прижал сверток, в который завернул лекарства, к груди.

— Дай-ка я её постираю, а эту сними — нужно вернуть господину Чжану.

Сун Чжи отпрянул, пряча сверток и натянув на лицо виноватую улыбку:

— Не нужно, Сю-нянь, я сам справлюсь.

Сю-нянь была слишком проницательна, чтобы купиться на это.

— Что ты там прячешь? Покажи немедленно.

— Ничего! Просто... не хочу тебя утруждать!

В суматохе сверток выскользнул из рук и с глухим стуком упал на пол. Они замерли, глядя на выпавшее лекарство.

— Зачем ты купил снадобья? — голос Сю-нянь задрожал от гнева.

Сун Чжи опустил голову. «Пропал», — пронеслось в мыслях.

— А ну-ка, идем в дом, там всё расскажешь, — она схватила его за правую руку.

— Ох! — вскрикнул Сун Чжи. — Больно!

Сю-нянь замерла, её гнев мгновенно сменился тревогой:

— Что с рукой?

Видя, что скрываться бесполезно, он выложил всё как есть. Сю-нянь слушала молча, но лицо её становилось всё мрачнее. Глядя на страшный ожог, она разрывалась между жалостью и яростью:

— Эти монголы... совсем стыд потеряли! Переходят все границы!

Сун Чжи поспешно вытащил пачку серебряных билетов:

— Они заплатили, Сю-нянь, смотри, как много! Не сердись, это была просто случайность.

Она ожгла его суровым взглядом:

— Хватит паясничать! Они тебя покалечили, так что эти деньги — меньшее, что они могли сделать.

Лишь когда он виновато притих, она немного смягчилась:

— Судя по твоим словам, этот господин Ци — человек достойный. Помог незнакомцу бескорыстно... Такое добро нужно помнить. Дружи с ним.

Сун Чжи послушно кивнул. Сю-нянь забрала деньги, ворча под нос:

— Сложим это к остальному. Будет тебе приданое, когда соберешься жениться на какой-нибудь молодой госпоже.

Сун Чжи вспыхнул до корней волос:

— О чем ты говоришь, Сю-нянь...

— А чего краснеть? Тебе уже семнадцать, самое время остепениться и о доме подумать.

— Да куда мне, — вздохнул Сун Чжи. — Посмотри на наше житье. Кто за меня пойдет?

— Опять ты за своё! — прикрикнула Сю-нянь, но тут же осеклась, заметив, как он морщится.

— Сю-нянь, рука очень болит.

Её гнев испарился без следа.

— Потерпи, сейчас пойду заварю снадобье!

Когда она вернулась с чашкой дымящегося отвара, Сун Чжи уже сидел за столом. Ему нужно было доставить картину Чжан Хуэю, и, несмотря на боль, он решил закончить работу, пока не стемнело.

— Сначала выпей это, — Сю-нянь поставила перед ним чашу. Сун Чжи осушил её залпом и тут же скривился от невыносимой горечи.

— Знала, что будешь кривиться, — она сунула ему в рот горсть засахаренных фруктов.

— Ты у меня самая лучшая, — Сун Чжи ласково приобнял её. — Та картина намокла, нужно написать новую.

Зная, что во время работы он не терпит суеты, Сю-нянь кивнула и ушла готовить обед.

Сун Чжи занес кисть над чистой бумагой, но мысли путались. Он не знал, с чего начать. Рука словно сама вывела несколько штрихов, и на листе проступил мужской профиль. Присмотревшись к чертам, он вздрогнул — это был Мэн Хуань.

Художник помрачнел. Он размашисто перечеркнул рисунок крест-накрест.

— Неотесанный варвар.

В итоге он написал для поместья господина Чжана величественную картину — церемонию возвращения Ши-цзу в столицу. Слуги в доме Чжан Хуэя хорошо знали Сун Чжи и сразу проводили его в кабинет.

Чжан Хуэй, любивший юношу как родного сына, ждал его уже давно. Сун Чжи отвесил глубокий поклон:

— Учитель.

Он усадил его рядом:

— Почему так поздно? Что-то случилось?

Сун Чжи улыбнулся:

— От вашего взгляда ничего не скроешь, господин. Произошла небольшая заминка: прежняя картина была испорчена. Эту я написал в спешке, боюсь, она покажется вам несовершенной.

— Твои работы не могут быть плохими, — он взял свиток и развернул его.

Перед ним предстала торжественная процессия. Прорисовка была настолько детальной, что можно было разобрать лица служанок в свите императора. Ничто не выдавало поспешности.

— Великолепно, — трижды повторил он. — Твое мастерство растет день от дня.

— Вы мне льстите, учитель.

Он вздохнул, и в его взгляде промелькнула печаль:

— И всё же... как жаль, что такой талант пропадает в неизвестности.

— В Поднебесной одаренных людей как звезд на небе, — отозвался Сун Чжи. — Мои скромные успехи в живописи не стоят сожалений.

Их беседу прервал старый слуга:

— Господин, прибыл господин Ахмад.

Чжан Хуэй удивленно поднял брови:

— Зачем он здесь? Где он сейчас?

Не успел слуга ответить, как из коридора донесся раскатистый смех:

— Улухунэтэ, с каких это пор ты стал со мной так церемониться?

Чжан Хуэй, носивший монгольское имя Улухунэтэ, напрягся. Голос Ахмада, подобный удару колокола, ворвался в кабинет вместе с его обладателем. Его аура была подавляющей. Сун Чжи, видевший его раньше, всё равно невольно сжался под этим напором.

Войдя, Ахмад небрежно махнул рукой Чжан И, старому слуге:

— У нас с твоим хозяином разговор. Поди вон.

Тот взглянул на господина и, дождавшись едва заметного кивка, поклонился и вышел. Сун Чжи тоже отвесил поклон и собирался тихо ускользнуть, но Ахмад внезапно окликнул его:

— Погоди, малый.

Сун Чжи замер.

— Что угодно господину?

— Подними голову.

Юноша помедлил, затем выпрямился и посмотрел Ахмаду прямо в глаза. К удивлению Верховного государственного советника, во взгляде художника не было страха. Он указал на стол:

— Твоя работа?

Внезапное появление гостя помешало Чжан Хуэю убрать свиток.

— Ничтожный плод моих трудов, — ответил Сун Чжи. — Простите, если он оскорбил ваш взор.

Ахмад, хоть и не смыслил в тонкостях живописи, за годы службы повидал немало шедевров и сразу оценил мастерство.

— Не скромничай. У меня есть для тебя дело. Согласен взяться?

Сун Чжи опешил и быстро взглянул на Чжан Хуэя. Разумеется, он не хотел иметь дел с этим человеком!

Понимая это, Чжан Хуэй попытался вмешаться:

— Он еще слишком молод и неопытен для ваших поручений, Верховный государственный советник Ахмад. Вам лучше найти кого-то более надежного.

Он покачал головой:

— Я привык доверять собственному чутью.

Он снова вперил взгляд в Сун Чжи, и в его голосе зазвучал металл:

— Так ты согласен или нет?

Могучая фигура советника нависла над юношей, создавая незримое, но тяжкое давление. Вопрос был лишь формальностью — отказ Ахмаду мог обернуться бедой для любого, если только за него не заступится кто-то равный по силе.

Сун Чжи молчал, не желая втягивать Чжан Хуэя в конфликт. Ахмад, не дождавшись ответа, нахмурился:

— Служить мне — не в твоих правилах?

В этой гримасе явственно проступила угроза. В кабинете стало прохладно, но по спине Сун Чжи пробежал ледяной пот.

Испугавшись за ученика, Чжан Хуэй поспешил разрядить обстановку:

— Полноте, Верховный государственный советник, вы просто напугали мальчишку своим напором. Он и слова вымолвить не может. Право, он не справится. Давайте я подыщу вам другого мастера?

Ахмад, занимавший пост Верховного государственного советника более десяти лет и пользовавшийся безграничным доверием императора, привык к абсолютному повиновению. Он помрачнел от недовольства.

Сун Чжи заметил тревогу в глазах учителя — тот искренне переживал за его участь. Сердце юноши сжалось от чувства вины: Чжан Хуэй был для него наставником и спасителем, а он вместо благодарности лишь навлекает на него гнев сильных мира сего.

Сун Чжи низко склонил голову:

— Цзилань готов повиноваться вашему приказу, господин.

<http://bllate.org/book/17487/1692834>